

И. В. КРЮЧКОВ

КАРЛ МЕНГЕР В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ АВСТРИИ (60-е гг. XIX – начало XX вв.)

Цель статьи — исследование основных событий из жизни выдающегося австрийского ученого и политического деятеля Карла Менгера, оказавшего огромное влияние на дальнейшее развитие европейского либерализма и методологии социальных наук. К. Менгер изучая политэкономическую проблему — теорию субъективной ценности вышел на необходимость проведения исследований на микроуровне в экономических и гуманитарных науках. Показан исторический и интеллектуальный контекст Австрии последней трети — начала XX вв., который оказал влияние на деятельность и формирование взглядов К. Менгера. Особое внимание в статье уделяется «спору о методе» К. Менгера с представителями немецкой исторической школы.

Ключевые слова: Австрия, либерализм, историзм, политэкономия, модерн, империя, метод.

Карл Менгер принадлежит к замечательной плеяде австрийских ученых, которые на многие годы определили вектор развития европейской науки. Австрия во второй половине XIX – начале XX в. входила в круг стран, формировавших интеллектуальное пространство Европы. З. Фрейд, К. Менгер, Л. Витгенштейн, Ф. Визер, Е. Бем Баверк, Э. Мах, О. Нейрат, это далеко не полный список ученых, которых дала имперская Австрия миру этот период. Среди них особое место занимает К. Менгер, основоположник «австрийской экономической школы». К числу учеников К. Менгера относились такие великие ученые как лауреат нобелевской премии в области экономики Ф. Хайек, крупный ученый-экономист, политолог, один из идеологов европейского либерализма XX в. Л. Мизес, экономист и политолог Й. Шумпетер, чьи работы по теории социализма стали мировой классикой, и этот список можно продолжать дальше.

К. Менгер известен прежде всего среди экономистов. Однако его имя незаслуженно забыто историками, практически ни в одном исследовании по теории и методологии истории мы не найдем упо-

минаний о К. Менгере. Хотя в свое время знаменитый «спор о методе» в 1880-е гг. К. Менгера с немецкой исторической школой и ее лидером Г. Шмоллером, расколол все научное сообщество Европы на сторонников К. Менгера и Г. Шмоллера. Этот спор послужил мощным интеллектуальным толчком для дальнейшего осмысления проблем методологии гуманитарных наук, в том числе истории, и их тесной взаимосвязи учеными в XX в. Интерес к истории К. Менгер передал многим своим ученикам, в частности Л. Мизесу, опубликовавшему специальное исследование по методологии истории¹.

К. Менгер жил в удивительный период истории Австрии. До второй половины XIX века Австрия не влияла на развитие интеллектуальной жизни Европы. В Вене мало заботились об изучении философии, литературы и других наук. Практически никто не обратил внимание на визиты в Вену Лейбница и Юма². Однако положение дел меняется с приходом к власти в Австрии либералов и проведением реформ в 1860–70-е гг., включая отмену цензуры в высшем образовании и либерализацию университетской системы. Формально профессура должна была выполнять приказы правительства, но оно практически не вмешивается в учебный процесс, тем более в содержание лекционных и семинарских занятий. Более того, в последней трети XIX века в австрийских университетах появляются так называемые «частные доценты», то есть лица, имеющие ученое звание и не входившие формально в штаты университетов. Они получили право вести в государственных университетах отдельные дисциплины с согласия правительства, которое практически всегда соглашалось с мнением университета по данному вопросу.

В Вене частные семинары посещало большое количество представителей интеллектуальной элиты и бюрократии. Частные семинары были воплощением новых идей, открытым вызовом консервативной науке. На частных семинарах люди не боялись, открыто критиковать традиционное знание и выдвигать свое видение проблемы. Неслучайно, что идеи психоанализа получили распространение не в официальных университетах, а на частных семинарах З. Фрейд³.

В конце XIX в. австрийская интеллектуальная элита переживает смену поколений. На смену старой профессуре приходят новые лю-

¹ *Mises*. 2001.

² *Mises*. 1969. P. 11.

³ *Ibid*. P. 16.

ди, с нестандартным мышлением, новыми идеями. Интеллектуальная элита Вены являлась мощной корпорацией, активно обменивающейся инновациями внутри себя и передающей их обществу. Интеллектуалы оказывали сильное воздействие на деловую и политическую элиту страны. В Австрии не было такой глубокой пропасти между интеллектуалами и представителями других элит, которая наблюдалась в то время во многих государствах Европы. Это предопределило успехи австрийской науки и культуры в эпоху “Fin-de-siècle Vienna”⁴. Только накануне первой мировой войны проявляются первые признаки отчуждения интеллигенции от общества⁵, поэтому К. Менгер во всех отношениях пришелся «ко времени и ко двору».

К. Менгер родился 23 февраля 1840 г. в местечке Ней-Сандец (соврем. Нови Соне) на территории Западной Галиции, входящей в настоящее время в состав Польши. О его родителях известно очень мало. В отличие от большинства представителей интеллектуальной среды Австрии второй половины XIX в. К. Менгер был благоверным католиком — австро-немцем. Отец К. Менгера был землевладельцем-дворянином, он умер, когда Карлу было всего восемь лет⁶. Семья К. Менгера смогла, несмотря на смерть отца, дать Карлу прекрасное образование. Следует подчеркнуть, что во второй половине XIX в. австрийские гимназии и университеты были доступны представителям среднего класса. Особенно успешно австрийская система образования стала развиваться благодаря деятельности графа Л. Туна, в том числе после реформы гимназического образования 1850 г.

К. Менгер выбрал в качестве своей специализации юриспруденцию, это была типичная квалификация для представителей среднего класса, которые желали сделать карьеру на государственной службе или в бизнесе. К. Менгер поочередно обучался в Пражском и Венском университетах, относившихся к числу лучших университетов Центрально-Восточной Европы в XIX – начале XX в. В университете он связал свою дальнейшую судьбу с наукой. В то время карьера ученого считалась очень престижной, она превосходила по социальному статусу карьеру в бизнесе и даже в государственном аппарате. С. Цвейг по этому поводу писал: «...репутация каждой

⁴ Beller. 1992. P. 72-73.

⁵ Щорске. 2001. С. 20-21.

⁶ Джонстон. 2004. С. 113.

“приличной” семьи требовала, чтобы хотя бы один из сыновей именовался доктором каких-нибудь наук»⁷.

Следует подчеркнуть, что старший брат К. Менгера Макс (1838–1911) и младший Антон (1841–1906) также сделали успешную карьеру в имперской Австрии. Макс более 30 лет был депутатом нижней палаты парламента от немецких либералов, а Антон вслед за средним братом выбрал научную карьеру. Макс Менгер в парламенте прославился упорной борьбой с консервативными правительствами и славянскими националистами. Макс и Карл выступали против федерализации Австрии, видя в этом угрозу единству страны. Они, как и большинство австрийских либералов, выступали за предоставление личности индивидуальных гражданских свобод, не наделяя ими отдельные корпорации и национальные группы.

В наши дни мало кто знает о знаменитом австрийском юристе Антоне Менгере, хотя в начале XX в. российская радикальная молодежь зачитывалась его работами. Антон отличался от своих братьев некоторой бесшабашностью, нежеланием подстраиваться под существующие социальные нормы. Поэтому его выгнали из гимназии, но судьба благоволила Антону, он выиграл деньги в лотерею и потратил их на подготовку к докторскому экзамену, который успешно сдал в 1865 г. С 1875 по 1899 гг. Антон был профессором Венского университета по гражданскому процессуальному праву. В университете Антон также отличался своей экстравагантностью, посещая его в старой одежде и в горных ботинках⁸. Студенты университета очень любили Антона за его аскетизм, простоту в общении и доброту. Это, разумеется, шокировало коллег А. Менгера по университетскому цеху. Профессура Венского университета в целом оставалась довольно консервативной и патриархальной корпоративной группой⁹. В отличие от своих братьев, Антон проповедовал идею муниципального социализма, критикуя государство, основанное на либеральном индивидуализме¹⁰. Он отвергал существовавшие в то время теории частного права, называя их инструментом необоснованного закрепления власти господствующих классов и подавления рабочего класса

⁷ Цвейг. 2004. С. 31.

⁸ Джонстон. Указ. соч. С. 134.

⁹ Цвейг. Указ. соч. С. 82.

¹⁰ Менгер. 1906. С. 19-26.

и других неимущих социальных групп. Расхождения в политических взглядах не мешали братьям поддерживать хорошие родственные отношения. Антон и Карл почти каждый день встречались в одном из кафе напротив университета и вели беседы на разные темы.

Свою профессиональную карьеру К. Менгер начинает в 1864 г. с успешной защиты диссертации в Краковском университете. После этого он получает престижную для молодого человека должность в отделе по связям с прессой при правительстве Австрии. Это давало возможность окончательно перебраться в столь любимую им Вену. Данная должность позволила К. Менгеру приобрести необходимые связи и контакты, которыми он потом не раз пользовался. В частности, К. Менгер подружился с известным австрийским либеральным журналистом конца XIX – начала XX в., франкофилом, редактором «Венского еженедельника» Морицем Шепсом. К. Менгер оказался одним из ярких сторонников австрийского либерализма в последней трети XIX в., что их объединяло с М. Шепсом.

В 1860–70-е гг. быть либералом в Вене было престижно. Либеральная политика правительства князя А. Ауэрсперга, затронула все сферы жизни австрийского общества, она стала источником веры в поступательность прогрессивного развития и в безграничные возможности индивида¹¹. Однако эта либеральная эйфория завершается с «Биржевым крахом» 1873 г., когда общество разочаровывается в либерализме и сваливает на него все свои беды¹². Это был мощный удар по австрийскому либерализму, от которого он не смог оправиться вплоть до краха Дунайской империи в 1918 г. Многие бывшие сторонники либералов находят новые политические ориентиры. Так, К. Люэгер стал вождем австрийских христианских социалистов, проповедовавших антисемитизм, а Т. Герцль, наоборот, основателем сионистского движения. К. Менгер не пошел по пути бывших коллег, до конца своих дней разделяя либеральные взгляды.

Занимаясь профессиональной и политической деятельностью, К. Менгер не бросил науку, продолжая свои научные изыскания. В результате в 1871 г. он издает труд всей своей жизни «Основы политэкономии»¹³. В 1870-е гг. эта работа не стала интеллектуальной

¹¹ Щорске. Указ. соч. С. 27-28.

¹² Varany. 1998. P. 213.

¹³ Менгер. 1992.

сенсацией, ее по достоинству оценили значительно позже, уже в XX в., но она сразу заинтересовала молодых венских интеллектуалов. Второе издание «Основ политэкономии» появляется в Австрии только в 1923 г., уже после смерти К. Менгера 27 февраля 1921 г.

Однако эта книга была издана в большинстве европейских стран, в том числе в России. В начале XX в. российская интеллектуальная элита гордилась знанием работ К. Менгера¹⁴. Так, П. Струве, желая показать невежество В. Ленина, однажды заявил, что тот никогда не читал К. Менгера. Под влиянием работ Менгера возникло такое оригинальное направление в науке России, как организационно-производственное направление во главе с А. Чаяновым¹⁵. Оригинальность подхода К. Менгера в решении сложных политэкономических проблем и его размышления о методе гуманитарных наук заставили Европу заговорить о нем как о крупном ученом.

Публикация «Основ политэкономии» открыла К. Менгеру путь для карьеры в Венском университете. В 1872 г. он становится приват-доцентом университета, в 1873 г. экстраординарным профессором, а в 1879 г. штатным профессором и заведующим кафедрой политэкономии. Кстати З. Фрейд так и не стал штатным профессором Венского университета, всю жизнь, оставаясь экстраординарным профессором. З. Фрейд это сделал отчасти сознательно, потому что в отличие от штатных профессоров он абсолютно не зависел от министерства образования и университетской бюрократии. К тому же для того чтобы стать штатным профессором были необходимы сильные связи и протекция. В университете раскрывается еще одна грань таланта К. Менгера — блестящий преподаватель, он умел вызвать у студентов живой интерес к самым скучным темам. Студенты очень любили Менгера, его добровольная отставка в 1903 г. вызвала большое сожаление среди части коллег и в студенческом сообществе, еще в 20-е гг. по рукам студентов ходили конспекты его лекций.

На кафедре политэкономии после ухода К. Менгера остались его ученики во главе с Ф. фон Визером, который занимал несколько раз министерские посты в правительстве Австрии, включая пост последнего министра торговли имперской Австрии в 1917–1918 гг. Этим

¹⁴ Одно из первых российских изданий «Основ политической экономии» см.: Менгер. 1903.

¹⁵ Крючков. 1995.

влияние К. Менгера на политическую элиту и на внутреннюю политику Австрии не ограничивалось. Другой его последователь, Е. Бем Баверк в 1895–1897 гг. и в 1900–1904 гг. занимал пост министра финансов Австрии¹⁶ и довольно успешно провел налоговую реформу.

Об авторитете К. Менгера в Австро-Венгрии говорит и тот факт, что он с 1876 по 1878 гг. был наставником кронпринца Рудольфа, единственного сына императора Франца-Иосифа I и наследника престола. Либеральные взгляды наставника не могли не отразиться на умонастроениях кронпринца. После поездки К. Менгера и кронпринца в Великобританию в 1878 г. в Мюнхене выходит анонимный памфлет «Австрийский дворянин и его конституционное призвание». В памфлете осуждалась праздность австрийского дворянства, погрязшего в охоте и танцах, и в качестве примера для подражания приводилось британское дворянство с его чувством гражданской и социальной ответственности. Авторство Рудольфа и К. Менгера вскрылось только в 1906 г. после трагической смерти Рудольфа и отставки К. Менгера. Именно К. Менгер познакомил Рудольфа с М. Шепсом. В течении шести лет Рудольф и Шепс переписывались, а затем с 1883 по 1885 гг.¹⁷ Рудольф публиковался на страницах «Венского еженедельника» под псевдонимом, критикуя существовавшие в империи Габсбургов устои. Эти обстоятельства и призывы Шепса к установлению дружеских отношений между Австро-Венгрией и Францией приводили к постоянным его конфликтам с цезурой.

В научной и политической карьере К. Менгера проявляется еще одна страсть ученого — история. Он всегда интересовался историей империи Габсбургов и мировой историей. В своих экономических разработках Менгер постоянно обращался к историческим экскурсам и работам известных историков. В свою очередь, К. Менгер оказал сильное влияние на историческое сообщество Австрии на рубеже XIX–XX вв. «Спор о методе» К. Менгера с немецкой школой подтолкнул другого известного австрийского ученого Карла Прибрама заняться историческими и терминологическими аспектами изучения проблемы перехода цивилизации от феодализма к капитализму¹⁸. Именно К. Прибрам, находясь под впечатлением дискуссии К. Менгера с Г. Шмоллером, использует результаты этого методоло-

¹⁶ Хайек. 1999. С. 167.

¹⁷ Джонстон. Указ. соч. С. 48.

¹⁸ Pribram. 1953. № 43.

гического спора в своей концепции, вводя в научный аппарат такие категории как «холизм», «органицизм», «феодализм», «социальное происхождение», «партикуляризм», без которых невозможно представить современные исторические исследования.

Здесь не ставится задача подробного анализа политэкономических взглядов К. Менгера. Хотелось бы только подчеркнуть, что центральное место в его экономических воззрениях занимает теория субъективной ценности. Она, во многом является продуктом католической культуры, в рамках которой Менгер был воспитан, тогда как трудовая теория британской политэкономии являлась результатом развития протестантской этики. Католицизм довольно либерально относился к умеренному стремлению к земным благам, к удовольствиям, вместо постоянных трудовых назиданий и призывов к бережливости, что было характерно для протестантизма. Католическая культура легализовала интерес к потребностям индивида. В этой связи неслучаен тот факт, что в центре внимания теории субъективной ценности К. Менгера стоят «неудовлетворенные» потребности человека, факторы, определяющие его потребности, а не процессы производства¹⁹. Нельзя согласиться с утверждением, что концепция К. Менгера и австрийской экономической школы выражает и защищает интересы капиталистов-рантье, о чем в свое время писал Н. И. Бухарин²⁰.

Дело в том, что объектом исследования новой теории оказывается не капиталист-предприниматель, а потребитель и, прежде всего массовый потребитель, ибо на смену эпохе капитализма XVII–XIX вв. с ее идеалами бережливости, накопления капитала приходила эпоха потребительского общества XX в. с новыми идеалами максимального удовлетворения потребностей индивида. Не соответствует действительности и распространенное утверждение, что марксизм послужил толчком к появлению теории предельной полезности К. Менгера. Первый том «Капитала» вышел в свет в 1867 г., через три года были опубликованы «Основы политической экономии», поэтому вряд ли К. Маркс оказал какое-нибудь существенное влияние на фундаментальный труд К. Менгера.

Нас больше интересует отношение К. Менгера к проблеме методологии социальных наук, которые, в представлении ученого в середине XIX века, на данном поприще не достигли значительных успе-

¹⁹ Менгер. 1992. С. 53.

²⁰ Бухарин. 1988. С. 28.

хов. Это, по мнению Менгера, предопределило слабый интерес интеллектуалов к теоретическому осмыслению проблем развития общества и народного хозяйства: «Причина этого... равнодушие заключается в настоящем положении самой науки, в бесплодности делавшихся до сих пор попыток постичь ее эмпирические основания»²¹.

На взгляд К. Менгера, разработка методологических принципов крайне важна для дальнейшего развития теоретического познания. Вполне возможно развитие науки без обращения к вопросам методологии, при этом даже могут появляться значительные научные исследования. Но как только: «...в какой-либо научной области по какой-нибудь причине утрачивается понимание целей исследования, вытекающих из природы вещей, когда второстепенным задачам науки придается чрезмерное или даже решающее значение, когда ошибочные методологические положения... получают господствующее значение..., тогда ясная постановка методологических проблем является непременным условием всякого дальнейшего прогресса»²². Отсюда необходимо кардинальное реформирование всего научного знания. Реформа методологических принципов социальных наук, по мнению ученого, возможна в двух направлениях. Первое — реформа старого знания на базе традиционных методологических принципов, здесь необходимо было не столько критиковать, сколько создавать новое прогрессивное знание, но это требовало оригинальности мышления исследователя. Второе — реформа старого знания на основе новых теоретико-методологических принципов.

Первый путь менее продуктивен, ибо устоявшиеся консервативные принципы, сила авторитета старого знания подавляли творческий ум, нейтрализуя его инициативу и уверенность в себе. Второй путь более радикален и эффективен. Но здесь также кроется большая опасность, а именно угроза продвижения по ложному, хотя и новому пути.

Методология научного исследования Менгера формировалась в условиях жесткой дискуссии с немецкой исторической школой во главе с Г. Шмоллером, В. Рошером, К. Книсом, которая была одним из самых авторитетных направлений в социальных науках, особенно в Германии и Австро-Венгрии, и отдавала приоритет анализу факта-события, с подозрением относясь к теоретическим конструктам.

²¹ Менгер. 1992. С. 34.

²² Menger. 1884. S. 11.

Правда, в отличие от Рошера, отвергавшего принцип научных обобщений, как таковой, новая немецкая историческая школа несколько смягчает свое отношение к проблеме обобщений: «...в недавнее время много раз высказывалось утверждение, что те, которые требовали, в противоположность Миллю, Керису и Менгеру, более усиленного пользования индукцией, желали исключить совсем всякую дедукцию, то с этим не могу согласиться...», — подчеркивал Г. Шмоллер²³. Но, по его мнению, любое обобщение должно опираться только на фактический материал и привязываться к конкретной исторической эпохе, избегая излишних обобщений и гипотез. Историческая школа полагала, что все социальные теории зависят от особенностей национальных культур и характера исторической эпохи, поэтому социальные науки имеют относительный характер. Отсюда можно говорить о существовании нескольких наук, в том числе историй, зависящих от национальных и социокультурных факторов.

Более того, практически невозможно выделить единый объект исследования в социальных науках, в том числе в политэкономии, ибо по мере развития народного хозяйства меняются условия функционирования экономики и сам характер хозяйствующего субъекта. С такой постановкой вопроса был согласен ряд других известных немецких ученых, в том числе Ф. Лист, обвинявший в своей работе «Национальная система политэкономии» А. Смита и других британских экономистов в космополитизме. По его мнению, каждая нация должна «владеть» своей особой историей, политэкономией и т.д., ибо только нация является проявлением высшего целого, находящегося между личностью и мирозданием. Цель нации заключается в развитии производительных сил, а не в накоплении капитала. Следовательно, «национальная» наука не должна ориентироваться на изучение интересов частного хозяйства²⁴.

К. Менгер признавал определенное влияние национальных особенностей на поведение индивида, однако эта тенденция не имеет для него существенного значения при выявлении законов, определяющих поведение человека. Здесь следует отметить утилитаризм протестантской этики представителей немецкой исторической школы. Национализм протестантизма проявлялся даже на уровне опре-

²³ Шмоллер. 1902. С. 95.

²⁴ Лист. 1897.

деления метода социальных наук, а католицизм, носителем которого являлся К. Менгер, смотрел на явления значительно шире, не ограничиваясь национальными рамками и не ориентируясь только на создание некоей национальной науки. Задача социальных наук, по мнению ученого, заключается в анализе изменений, наблюдающихся в росте благосостояния индивида и в соотношении индивидуального и общественного начала в процессе эволюции человека.

К. Менгер довольно высоко оценивал вклад немецкой исторической школы в развитие европейской науки, особенно в области накопления и исследования фактического материала, в том числе по истории экономических институтов. В то же время он практически полностью отрицал методологические воззрения исторической школы. «Внешняя связь положительного исторического знания с трудолюбивым, но бессистемным эклектизмом...», — так К. Менгер оценивал достижения немецкой исторической школы²⁵. По его мнению, эта школа смешивала задачи истории и теоретических наук, ибо невозможно только на основе сбора и анализа эмпирического материала исследовать историю экономических институтов, выявить общие закономерности функционирования народного хозяйства, общества и их субъектов. Таким образом, для К. Менгера история является эмпирической наукой, которая должна обслуживать интересы более высокого знания в лице теоретических наук.

В теоретических науках господствует метод обобщений и научных гипотез, в отличие от истории, которая на основе индуктивного метода исследует конкретные факты и явления. К тому же теоретические науки не занимаются анализом конкретной экономической и финансовой политики государства — это участь экономики и права. Историческая школа игнорировала эти особенности, что К. Менгер считал большой ошибкой. «Теоретическая национальная экономия никогда не может быть признаваема исторической, или как думают некоторые, практической наукой», — писал ученый²⁶.

Таким образом, К. Менгер выделял три уровня научного познания: 1) индивидуальное (историческое), ориентированное на изучение конкретных фактов и явлений в пространстве и времени; 2) родовое (теоретическое), предполагавшее исследование повто-

²⁵ Менгер. 1894. С. XXII.

²⁶ Там же. С. 77.

ряющихся явлений, их взаимодействия, выделение типологических соотношений; 3) практическое — анализ конкретных мероприятий в экономической и в других сферах политики с целью выработки практических рекомендаций. К. Менгер уделял большое внимание именно второму типу познания: «Исследования типов и типических соотношений между явлениями, несомненно, имеет чрезвычайное значение для человеческой жизни, не менее важное, чем изучение самих конкретных явлений... для полного познания реального мира»²⁷. Типология определяет господство человека над вещами и возможность прогнозирования будущего развития цивилизации с помощью выявленных социальных законов. К. Менгер отмечал существование двух типов социальных законов: естественные законы, последовательно отражающие наблюдаемые взаимозависимости, и эмпирические законы, которые имели более сложную характеристику, допуская исключения и абстрагирования.

К. Менгер полагал, что эмпирические законы, будучи абстрактной формой, проявляют социальные процессы в идеальном виде без влияния целого ряда осложняющих обстоятельств, то есть в «чистой», идеальной форме. В естествознании именно таким образом были открыты инертные газы и многие элементы в периодической таблице Д. Менделеева. Так, основа хозяйственной деятельности индивида заключается в экономическом расчете (эгоизме). Это главный мотив поведения хозяйствующего субъекта. В повседневной жизни на него могут наслаиваться иные виды мотивации, а в некоторых случаях хозяйственный эгоизм отходит на второй план. Все это затрудняет выявление первоосновы, определяющей тенденции, поэтому исследователи должны абстрагироваться от сопутствующих факторов при выделении основополагающего социального закона.

К. Менгер, в отличие от немецкой исторической школы пытался свести сложные экономические явления к анализу на уровне индивида (то есть на микроэкономическом уровне), так как «... явления народного хозяйства, в конце концов, приводятся в теории к индивидуальным хозяйственным стремлениям, к их простейшим конструктивным элементам»²⁸. Исследованию подлежала первичная матрица народного хозяйства, а именно индивидуальное хозяйство, ко-

²⁷ Там же. С. 26.

²⁸ Там же. С. 77.

торое ведется на основе целеустремлений, ожиданий, предпочтений и даже заблуждений хозяйствующего субъекта. Таким образом, в центре внимания К. Менгера оказывается психология человека.

Так К. Менгер невольно заложил вектор для последующего развития исторической науки. «Человек экономический», его поведение в рамках локального и глобального пространства, все это было с успехом реализовано историками в XX в. Политэкономия и история в XX в. в этом плане выступили в качестве тесных союзников.

Повальный интерес в Австрии к психологии был не случаен. Научные работы З. Фрейда, К. Менгера, Э. Маха, произведения «венского модерна», обращенного к психологии личности, имели под собой веские социальные предпосылки. Кризис «идеологии просвещения» в Австрии проявился довольно быстро. В условиях многонациональной империи и поликультурного общества доктрина «человека прагматичного» себя быстро исчерпала, индивид теперь представляется более сложной субстанцией. «Венский модерн» жил в ощущении близкого апокалипсиса, это заставляло австрийских интеллектуалов заглянуть внутрь себя и своего окружения для понимания глубинной сущности человека XIX – начала XX в. Неслучайно один из ярких представителей «венского модерна» А. Шницлер некоторое время работал в клинике З. Фрейда, используя затем этот опыт в своих произведениях²⁹.

Одновременно К. Менгер не отрицал необходимость анализа объективных зависимостей, но они для него имели второстепенный характер. Изучая сферы деятельности человека, исследователь сталкивается, главным образом, с его сознательными аспектами, основанными на экономическом расчете. Поэтому нельзя смотреть на мир только через призму изучения объективных реальностей, ибо истинным творцом истории является человек, и для того чтобы понять мотивы его поведения, важно исследовать его внутренний мир и восприятие окружающей действительности. Данный подход получил в истории науки название «методологического субъективизма».

Будучи последовательным либералом, К. Менгер утверждал, что социальные институты, как и народное хозяйство, возникли под воздействием стихийных бессознательных сил. Отсюда он не соглашался с утверждением, что государство создается в результате соз-

²⁹ Щорске. Указ. соч. С. 34-35.

нательной деятельности политических элит или социальных групп. Государство является результатом естественных процессов и стремления индивидов к удовлетворению своих частных запросов, в том числе и через создание государства. Сознательная деятельность, скорее всего, содействует развитию естественных процессов, но не более того. «Право, язык, государство, деньги, рынок, все эти социальные явления... в весьма значительной степени несознательные результаты социального развития... возникли без всякого отношения к общему интересу, исключительно благодаря импульсу индивидуальных интересов, как результат осуществления последних», — указывал К. Менгер³⁰. Отсюда, в отличие от представителей немецкой исторической школы, он не испытывал особого пиетета перед государством и не ратовал за расширение его функций, видя в этом опасность для свобод индивида.

Данные рассуждения предопределили отрицательное отношение К. Менгера к социализму и его постоянные споры с А. Менгером. По его мнению, для того чтобы ликвидировать частную собственность, на чем настаивали социалисты, необходимо было добиться полного соответствия между производством благ и запросами индивида, но без снижения уровня потребления. В противном случае это приведет к замене одного класса собственников другим, пусть даже в лице бюрократии. К. Менгер полагал, что полное равновесие между производством и потреблением никогда не будет достигнуто, так как по мере развития общества растут и видоизменяются потребности самого индивида, появляются новые потребности. «Поэтому... все проекты социальных реформ могут быть разумно направлены лишь на целесообразное распределение благ, но не на уничтожение самого института собственности», — подчеркивал К. Менгер³¹.

К. Менгер признавал, что в социальных науках существуют универсальные законы, определяющие развитие общества, вне зависимости от исторической эпохи, национальных и культурных особенностей цивилизации. Они являются проявлением стихийных процессов, столкновения отдельных интересов. Разумеется, в обществе действует и «разумная сила» в лице государства, влияющая своей политикой на жизнь общества. Но акцент в исследовании необхо-

³⁰ Менгер. 1894. С. 168-169.

³¹ Он же. 1992. С. 79.

димо ставить на изучении стихийных сил, ибо только они определяют направление развития экономики и общества, выводя их на новый качественный уровень.

Социальные законы не всегда полностью отражают повседневную действительность, так как они во многом носят абстрактный характер, невидимый для восприятия обывателя. Абстрагирование от второстепенных обстоятельств, является основой для всех точных наук, в том числе социальных, основанных на обобщениях. Данные законы полностью применимы при выделении общих тенденций социально-экономического и политического развития и довольно приблизительно к конкретным, отдельно взятым фактам и явлениям.

К. Менгер, выступая против крайностей историзма (кстати, данный термин был введен в научный оборот именно им), описательно-индуктивного метода, довольно часто прибегал к историческим экскурсам при исследовании экономических процессов. Так, ученый отводил значительное место историческому материалу при исследовании сущности денег и кредита³².

Необходимо отметить, что К. Менгер, дискутируя с немецкой исторической школой о сущности метода «теоретических» наук, в определении предмета самой истории стоял на позициях немецкой школы, тем самым значительно его сужая. Здесь сказались авторитет Г. Шмоллера и его сторонников в европейской историографии XIX века и нахождение К. Менгера за пределами профессионального сообщества историков, что не давало ему основания авторитетно высказываться по ряду проблем теории истории. Тем не менее, последующие поколения историков использовали многие компоненты теоретико-методологических наработок К. Менгера, пытаясь вывести историческую науку за узкие рамки утилитаризма немецкой исторической школы, позитивизма и марксизма. В частности, М. Вебер синтезировал концепции Шмоллера и Менгера, сформулировал теорию «идеальных типов». Л. Мизес развивая теорию о стихийности социальных процессов К. Менгера активно боролся с экономическим детерминизмом марксистской и позитивистской историософии³³. И это было начало бурного развития теории и методологии истории в XX в.

³² Менгер. 1992. С. 217-243.

³³ Мизес. 2001. С. 13-15.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бухарин Н. И.* Политическая экономия рантье. М., 1988.
- Джонстон У.* Австрийский Ренессанс. Интеллектуальная и социальная история Австро-Венгрии 1848–1938 гг. М., 2004.
- Крючков И. В. А. В.* Чаянов: основы теории некапиталистической аграрной эволюции (к 70-летию публикации «Организации крестьянского хозяйства») // Вестник Ставропольского государственного педагогического университета. Вып. 1. Социально-гуманитарные науки. 1995.
- Лист Ф.* Национальная система политэкономии. М., 1897.
- Менгер А.* Новое учение о государстве. СПб., 1906.
- Менгер К.* Исследование о методах социальных наук и политэкономии в особенности. СПб., 1894.
- Менгер К.* Основания политической экономии // Австрийская школа в политэкономии: К. Менгер, Е. Бем Баверк, Ф. Визер / Предисловие, комментарий В. С. Автономова. М., 1992.
- Менгер К.* Основы политической экономии. Одесса, 1903.
- Мизес Л.* Теория и история: интерпретация социально-экономической эволюции. М., 2001.
- Хайек Ф.* Познание, конкуренция и свобода. М., 1999.
- Цвейг С.* Вчерашний мир. Воспоминания европейца. М., 2004.
- Шмоллер Г.* Народное хозяйство, наука о народном хозяйстве и ее методология. Хозяйство, нравы и право. Разделение труда. Вып. 11. М., 1902.
- Щорске К.* Вена на рубеже веков: политика и культура. СПб., 2001.
- Barany G.* Political Culture in the Lands of Former Habsburg Empire: Authoritarian and Parliamentary Traditions // Austrian Yearbook Historian. Vol. XXIX. 1998.
- Beller S.* Central Europe: Birthplace of the Modern World? // Austrian Yearbook Historian. Vol. XXIII. 1992.
- Menger C.* Die Irrtümer des Historismus in der deutschen Nationalökonomie. Wien, 1884. S. 11.
- Mises L.* The Historical setting of the Austrian school of economics. Arlington house, 1969.
- Pribram K.* Patterns of Economic Reasoning // American Economic Review. 1953. № 43.

Крючков Игорь Владимирович, д.и.н., проф., зав. кафедрой новой и новейшей истории Ставропольского государственного университета; igory5@yandex.ru.